Есть ли у вас связь с «Космосом»?

Для зрителей она чаще всего случайная, для Галины Писулиной – пуповинная

Наталья ПОДКОРЫТОВА

До тридцати лет она жила без отчества. Отец почему-то решил не вписывать его в свидетельство о рождении. Но её имени в Верхней Пышме было достаточно, чтобы люди понимали, о ком идет речь. Сегодня достаточно одной фамилии, чтобы всё стало понятно. Галина Писулина возглавляла «Космос» без году четверть века. Дольше всех предыдущих директоров. Да их и было-то всего трое за 45 лет жизни киноконцертного театра.

– «Космосу» уделяли времени больше, чем собственному дому?

– Конечно. Ведь он был больше, чем дом. В году пять месяцев плотная концертная деятельность, когда не принадлежишь себе совсем. В небольшие продыхи от концертов занимались прокатом фильмов, проводили какие-то проекты, с коллективом работала. А на пять месяцев домом становился «Космос», у себя только ночевала да полы успевала помыть.

– А семья как же?

– Когда стала директором, дочка уже выросла. Больше никто меня дома не ждал.

– Работа всегда была на первом месте?

– Да.

– Пустая квартира не тяготила?

– Она пуста, пока меня нет. А когда я дома, обязательно кто-то приезжает, гостит или просто вещи между поездами забегает оставить.

– Во сколько начинался ваш рабочий день в «Космосе»?

– Иногда позволяла себе прийти в половине десятого. Уходила после последнего мероприятия. Нас хвалили, что в театре порядок. Он не случаен. Могла внезапно появиться поздно вечером, посмотреть, что и как. Утром обходила все снова, вызывала дежурных администраторов и спрашивала, как дела. Если не в курсе – принимала меры. Я знала всё, все свои 12 тысяч квадратных метров. «Космос» – махина. Всегда была тревога за пожарную безопасность, особенно после «Хромой лошади», за канализацию, за электрооборудование. С некоторых пор перед каждым концертом приглашали специалистов с собакой, которая проверяла зал и все помещения.

– Строгим, однако, приходилось быть директором...

– Про меня говорили, что я хорошая. Но когда касалось серьезных вопросов, бывала бескомпромиссна. Знала, что человек говорит неправду, но давала ему шанс. Если повторялось, премии лишала или расставались. Я очень демократична, но стержень есть. Наверное, многих поражали моя трудоспособность и отношение к людям. Когда нужно – старалась помочь деньгами или чем-то ещё. Тяжелых моментов бывало много. Я сердобольный человек, потому что и у нас в семье было много горечи.

– Вы же росли в многодетном доме...

– Мама родила четырнадцать детей, в живых осталось восемь. Её племянник рос с нами девятым. Родители приехали из Татарстана в 1929 году, когда открывался медный рудник, нынешний УГМК. Детство мое, юность и молодость прошли в Верхней Пышме. Дома мы полы мыли, картошку убирали совхозную, а потом собирали остатки для себя, чтобы мама лепешки испекла. Свой огород небольшой, и помидоры никогда не дозревали: едва краснели, мы их съедали. Отец ругался. Не бил, но строго держал. Мама никогда не кричала, очень спокойная была, любила людей. На нашей улице все ходили к ней с утра до вечера. Самовар всегда стоял горячий, она сапогом его раздувала. Готова была всех угостить. В ведёрном чугунке, вмонтированном в русскую печь, ежедневно варили суп. Детство было несладкое, но семья очень дружно жила. В ноябре покупали всей улицей коня, кололи его, мама делала конскую колбасу. Выставляли столы в огороде, потому что вся родня в доме не помещалась, и устраивали праздники. У меня до сих пор всегда в холодильнике есть конская колбаса — для особых случаев. В детстве летом вставала в четыре утра и пасла коз за три литра молока в день. Потом ведро ягод наперегонки собирали, и я тут же продавала их у магазина по две копейки стакан. Трудолюбие, ответственность и обязательность до сих пор сохранились

– А игры детские, радости, шалости?

– Да, всё, конечно было: и цепи кованые, и прятки. Для нас праздниками были выборы. Мы ещё спали, когда родители уходили голосовать и приносили сушки, яблоки зеленые, чернослив, конфеты. Кисель развесной мама заваривала, и мы ели его деревянными ложками. Спорили – отец ложкой по голове стучал. Всё время вспоминаю школу в вечернее время: лампы горят, мы поем, в старших классах уже солировала под оркестр, ездили с концертами в другие города, в воинские части. Интересно!

– Наверняка, мечтали быть артисткой...

– Да! Собирала открытки с их фотографиями. И, как ни странно, очень любила кино. Ходила, хоть и засыпала на сеансах. На кино мама деньги всегда давала. В школе неплохо училась и в одно время хотела в УПИ пойти, но техника не по мне. В некотором роде я и есть артистка.

– Вас кто-то двигал по карьерной лестнице, помогал по жизни, или вы из тех, кто сделал себя сам?

– Все формировалось в школе. Я была активная – председатель совета дружины, секретарь комитета комсомола, носила одновременно комсомольский значок и пионерский галстук. До окончания 10-го класса. Пошла в самодеятельность, потому что в семье все пели, особенно мама, от природы обладавшая красивым голосом. В девятом классе из школьного хора меня взяли в ДК металлургов солисткой в квартет. Пришлось осваивать и танцы – испанские, бразильские. С партнером были лучшей парой в городе. С того ДК все и началось. Там и мужа встретила, он тоже танцевал. Закончив пединститут, пришла в школу. Преподавала русский и немецкий языки на окраине Пышмы. Директор сказала: «Вся самодеятельность в поселке и в школе на тебе. Должны стать лучшими». Мы подняли поселок. И он, и школа гремели. Тогда меня в райком комсомола избрали, секретарем по идеологии. Можно было и дальше по партийной линии подниматься, но один мудрый человек сказал: «Иди в культуру». Завотделом культуры Пышмы проработала шесть лет. Потом – Свердловская филармония, где дневала и ночевала, где пригодились упорство, обязательность, добросовестность. Снова заметили, пригласили в облисполком, курировала четыре города.

АРХИВ ГАЛИНЫ ПИСУЛИНОЙ

Михайлов и Михайловна — их человеческой дружбе уже много лет

– Курировать – это следить или помогать?

– Не следить – участвовать в решении вопросов. 15 дней в месяц обязаны были быть в области! Когда родился внук, поняла, что нужна постоянная работа. Предложили театр драмы и «Космос». Карьера не такая уж эффектная.

– А что, на ваш взгляд, сегодня происходит с культурой Екатеринбурга?

– В ней много бравады. Она очень политизирована. А в последние годы всегда удивляли кадровые решения.

– За четверть века «Космос» сильно изменился?

– Физически – да: новая экономика, оборудование, технологии. А имидж отличной и надежной площадки — остался. Он всегда был символом города. Артисты любят наш зал, хотят выступать здесь, но не каждому под силу собрать его.

– Кто-то из них стал другом. И могут ли они вообще дружить?

– Могут. Но далеко не все. Теплая дружба с Вахтангом Кикабидзе. Очень жалко, что его сейчас нет на эстраде. Надеюсь, вернётся. Все годы хорошие отношения с Софией Ротару. Большие друзья с Борей Моисеевым и с Сережей Пенкиным. Их судьба так испытала на прочность, что они не способны на предательство. Рассказывали о своей жизни, мы плакали вместе. Особенно с Борей. Встречаемся как родные люди. Влюблены друг в друга с Александром Розенбаумом. Он всегда говорил, что по пальцам залы в России можно пересчитать, где душа спокойна и поет. Валера Леонтьев нас здорово выручил на последнем юбилее, когда всё было на грани срыва. День рождения у «Космоса» 24 декабря, у всех корпоративы, елки. Леонтьев бросил все, приехал и отработал! Такие отношения дорогого стоят. А другой народный артист, считавшийся другом, потребовал за «скорость» гонорар в два раза больший, чем у всех. Вынуждены были заплатить. Это страшно огорчает...

– Вы их понимаете в такой ситуации?

– Не понимаю. И знаю, что я бы поступила иначе. Не все в мире деньги решают.

– Сейчас другой Артист пошел?

– Толкунова, Хиль, артисты советского кино были проще, доступнее, сговорчивее, настоящее. Сейчас человеческого отношения мало. Выступают одни и те же, потому что многим не под силу бешеная реклама, или их просто не пускают на телевидение. Как того же Пенкина. А ведь он ни одной вещи под фонограмму не поет.

– Райдеры раньше существовали?

– Были устные договоренности или записки присылали, что и как приготовить, если есть какие-то особенные пожелания. Сейчас прописано всё, вплоть до хрустального фужера в гримерке, сорта яблок, сыра и минеральной воды.

– Сегодня что ни артист, то звезда... В «Космосе» выступали только звезды, или некоторые такими кажутся только сами себе?

– Истинных звезд немного. Но всем хочется быть ими. Артист, не собирая зал, думает, что плохая реклама, и не хочет верить, что на него «не идут». Мы-то это точно знаем из практики. А он не сдвигается ни по гонорару, ни по расходам.

– «Космос» - единственный киноконцертный театр в стране. Вы сами больше любите кино, концерты или театр?

– Когда пришла сюда, была влюблена в советское кино. И ещё застала время, когда отечественные фильмы собирали полные залы (тогда мест было на 400 больше), проходили кинофестивали. Но мы потеряли в 90-е годы и кинопроизводство, и кинопрокат. Сначала гнали американский ширпотреб, потом наш. Сейчас редко что можно смотреть. Поэтому в последнее время я склонялась в пользу концертов. Всех артистов встречала сама...

– ... И даже Монтсеррат Кабалье!

– Она у нас не выступала, в Челябинске. Но летела через Кольцово и ее некому было встретить. Директор концертного зала позвонил: «Галя, это сокровище могу доверить только тебе!». Я ее везла до Челябинска. Да и здесь провожала всех артистов сама. Иногда с кем-то сидели после концерта, иногда просили меня спеть.

– Пели?

– Да. Пенкин после одного из последних концертов не отставал: «Я знаю, вы хорошо поете, пожалуйста...». После песни встал на колени: «Какая высокая музыкальная культура!». А у меня три высших образования и ни одного музыкального. Я начинала учиться играть на баяне. Но отец работал один, и не на что было покупать инструмент, пришлось уйти. Брат, уходя в армию, настоял, чтобы кто-нибудь получил музыкальное образование. И к его приходу младшая Аня закончила музыкальную школу, потом училище.

– На сколько голосов семьей пели?

– У нас был очень слаженный хор, голоса у всех разные, но все хорошие. Мама пела три песни на русском, остальные – на татарском языке.

– А вы татарский знаете?

– Только разговорный. Когда в родных краях появляюсь, там, где ещё помнят родителей, говорю на татарском. Люди гордились, что директор «Космоса» – их человек.

– Сколько концертов, спектаклей, фильмов за четверть века посмотрели?

– От начала до конца – ни одного. Когда работала. Но я всегда знала, что происходит в зале, где что-то может случиться: в кассы зайду, постою в зале, в осветительной ложе посмотрю. Но делаю вид, что весь концерт видела. Все время начеку. Все должно быть идеально. Всегда же ещё руководители города и области на концертах бывали.

– Кто-нибудь из них покупал билеты?

– Нет. С советских времен повелось, все ходили бесплатно. Их родственники и друзья тоже.

– Самый сложный период работы в «Космосе»?

– Стройка. Его то закрывали, то открывали 4,5 года. Коллектив пришлось уволить, осталось 10 человек – охранять здание. Чернецкому однажды в отчаянии сказала: «Раз никто не занимается «Космосом», надо его снести». Он: «Ты что!». Построили за 11 месяцев. Театр никогда не дотировался даже в советское время. Всегда на хозрасчете, отдавали 55 процентов доходов в бюджет.

– А казалось, «Космос» – любимое дитя города...

– Мне тоже так казалось. И была уверена, что я – человек города. Никогда никого не подводила. Но только ушла из «Космоса», меня тут же вычеркнули из членов Общественной палаты. Не хочу говорить об этом.

– Неожиданный уход на пенсию проявил неожиданные качества людей, что терлись вокруг вашего директорского кресла?

– Для меня уход – стресс. Как дитя от груди оторвали. Поддерживали и вдохновляли артисты, звонили и звонят те, от кого не ожидала... А от кого ждала – нет.

– В шоу-бизнесе предательства ведь на каждом шагу, вы разве не привыкли к этому?

– В шоу-бизнесе – да. Много видела и слышала. Но я о другом. Мне казалось, может, это нескромно, что ко мне тянулись бескорыстно. И это большей частью оправдалось. Лживыми оказались те, кого научила работать, кто был рядом каждый день, кто объяснялся в любви.

– На прощальном вечере в «Космосе» многие, выходя на сцену, благодарили судьбу за честь быть вашим другом. Вы кого считаете друзьями?

– У меня много друзей, близких людей, которым можно довериться. Есть четыре подруги, дружим 35 лет. Вместе работали завотделами культуры в городах области. Одна сейчас в Казани, другая в Карпинске, третья в Верхней Пышме. Стараемся вместе отдыхать хотя бы раз в три года. Были на Байкале, на Соловецких островах, в Кижах. Сейчас мечтаем двинуть на Олимпиаду в Сочи. Если доживем. Когда зимой в Карпинск удается уехать, на лыжи встаю. Там пахнет деревней, вспоминаю детство.

– Во сколько лет вы сели за руль?

– Два года назад. Ко дню рождения сделала себе подарок — сдала на права.

– С первого раза?

– Со второго. Начальник ГАИ увидел: «Говорят, вы сдали на права?». «Да, и без вашей помощи». Из Верхней Пышмы еду хорошо, спокойно, а припарковаться в городе трудно. Волнуюсь, но езжу с удовольствием.

– Из всех искусств сейчас важнейшее – искусство парковки?

– Да. Особенно там, где надо задним ходом. Это для меня трудно. Сложно даже во дворе, где я живу.

– Прошлым или будущим живете?

– Настоящим. У меня родились две правнучки-двойняшки – Валерия и Ярослава. Я теперь с ними.

– Можете не отвечать на вопрос, если сочтете его некорректным, вас звали когда-нибудь замуж?

– Конечно. И не один раз предлагали. И в любви объяснялись. Но когда столкнешься с враньем, неискренностью, предательством, осознаешь – ни к чему все это.

– Не попался мужчина, на которого можно было часть проблем переложить, опереться?

– Нет.

– Может быть, вы слишком сильная?

– Скорее всего, да. Некоторые умеют дурочкой прикидываться, кому-то нравятся оскорбления, унижения. Я несправедливое отношение, как мама, не терплю. Она тоже была прямолинейная и уважала себя.

– Откуда берете силы быть сильной?

– Родители нам дали закалку. Мама никогда в больнице не лежала, так на полном ходу и умерла. Друзья говорят: «От тебя все заряжаемся, берегись». А я от них заряжаюсь, от того, что жить – интересно!

– Все, пришедшие к вам на 70-летие, готовы были крикнуть по Станиславскому: «Не верю!»

– Юбилей прошел под девизом «Как же мне не веселиться в жалких семь десятков лет». Но если серьезно – я не чувствую возраста и не стесняюсь его. У меня здоровье крепкое, пустоты в жизни не появилось. Когда осталась без работы, два дня сумбур в голове был, в себя прийти не могла. Нарыдалась вдоволь, потом взяла себя в руки: «Хватит!» И – вперёд!

– Вы состоятельный человек?

– Считала, что да. Сейчас сомнения закрадываются, хотя до конца ужаса пенсии не ощутила. Мне в прошлом году надарили сертификатов. Ещё не все использовала. А что такое 13 тысяч пенсии? Буду оглядываться. Квартира есть, сад, хоть и три сотки, машина небольшая, но мне нравится.

– Считаете себя успешной?

– Да. Огорчения, конечно, случаются. Но к успеху это не имеет никакого отношения.

АРХИВ ГАЛИНЫ ПИСУЛИНОЙ

Она умеет смотреть прямо в глаза

ДОСЬЕ «ОГ»

Галина Михайловна ПИСУЛИНА

Родилась 16 апреля 1942 года в Верхней Пышме

1959-60 – старшая пионервожатая школы № 22

1960-64 – студентка Свердловского пединститута

1964-66 – преподаватель русского и немецкого языка в школе

1966-72 – секретарь ГК ВЛКСМ Верхней Пышмы

1972-78 – завотделом культуры горисполкома

1973 – 1978 – депутат Верхнепышминского Совета народных депутатов

1978-81 – замдиректора Свердловской филармонии

1981-87 – инструктор организационно-инструкторского отдела облисполкома

В 1988 году окончила Свердловский юридический институт

1987-2011 – директор киноконцертного театра «Космос»

2006 – 2011 – член Общественной палаты МО «город Екатеринбург»

В 1995 году присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации»

С 1997 года – вице-президент общественной организации «Уральское землячество»

Награды:

Медаль «За трудовую доблесть», медаль «Ветеран труда», Знак «Почетный кинематографист России», знак «За заслуги перед городом Екатеринбургом», почетное звание «Дочь города – дочь России»

АРХИВ ГАЛИНЫ ПИСУЛИНОЙ

Два самых знаменитых «культурных» директора — Галина Писулина и Янина Кадочникова (многолетний директор ТЮЗа). На них опирается сам Хулио Иглесиас

Блиц-вопросы

– У вас есть идеал женщины?

– Ирина Хакамада. Побывала на её мастер-классе. Может быть, поздно. Я ей позавидовала.

– Что цените в людях?

– Доброту и искренность.

– В местные театры ходите?

– Стараюсь бывать на всех премьерах. Слава Богу, ещё приглашают.

– Готовите сами часто?

– Редко: семья вся разлетелась. Но если возьмусь! Внук обожает жареную камбалу, раньше сама очень любила цыплят табака. Сейчас таких нет. Я вообще предпочитаю «мокрую» еду — супы разные. Люблю и русскую, и татарскую кухню – бешбармак, плов, манты.

– Какое время года ваше?

– Точно не осень, хоть Пушкин и воспевал ее.

– Какой цвет не по душе?

– Красный. Люблю зеленый, болотный, черный.

– Баню любите?

– Мы выросли в бане. 40 дней подряд после роддома мама топила баню каждый день и веником парила маленьких детей. Верила, что это на пользу.

– Сматериться можете?

– Да, если надо.

– Есть заветное средство от хандры, депрессии?

– Я не знаю, что такое депрессия.

– У кого спрашиваете совета?

– У самой себя. Если не нахожу — советуюсь с дочерью.

– Потрясения в искусстве случаются?

– К сожалению, чаще со слезами. Меня печалит уход артистов. Не могу забыть Олега Янковского. Он, уезжая, оставил свой телефон, разрешил звонить в любое время. Не успела воспользоваться. Потрясла смерть Юрия Айзеншписа, до сих пор не верю в уход Людмилы Гурченко.

– Если бы предложили полететь в космос, кого бы взяли с собой?

– Обязательно бы полетела! И взяла бы с собой внука.

АРХИВ ГАЛИНЫ ПИСУЛИНОЙ

Управлять такой коляской ничуть не проще, чем машиной